

В ОСОБОМ ЖАНРЕ

СЛОВА «театр одного актера» смотрят сейчас на нас со многих афиш, они звучат в отчетах о концерте, о выступлении актера-чтеца. Между тем — и об этом тоже немало было разговоров последнее время — они, такие слова, обозначают совершенно особый сценический жанр, открытый и освоенный выдающимся мастером Владимиром Яхонтовым. «Театр одного актера» — это действительно не художественное чтение, не эстрада, а своеобразный вид театрального искусства.

Виктор Харитонов, наиболее ревностный пропагандист «театра одного актера» в Ленинграде и неутомимый искатель на этом пути, видит неперемнное свойство жанра в остром и действенном сплетении в сценическом сюжете по крайней мере двух персонажей.

В новой работе Харитонova «Балаган» — это русский поэт и критик середины прошлого века Аполлон Григорьев и француз, его современник, Пьер-Жан Беранже. Собственно, в «Балагане» персонажей как минимум дважды два, поскольку сценический рассказ об этих фигурах ведется от имени исконных участников народных игр, ярмарочных театров: Скомороха и Пьеро. Оттого он и называется «Балаган». Стихия балагана, атмосфера всяческих волшебств, озорства ума и мускулов — это в спектакле главное.

Чего здесь только не происходит! Уже в фойе вас встретят

удалые песни из старинных грамофонов. Глянете в окошечко смешного домика, приткнувшегося тут же, при входе, — увидите крутящуюся панораму. Дальше пойдут щиты, на них рисунки и толкования к тому, что скоро начнется в зрительном зале. Входите же в зал — там необычные хлопоты на открытой сцене, последние сборы к представлению. Актер налаживает и проверяет хитрое оснащение своего передвижного театра, сцена которого образуется трансформацией специального скоморошьего возка. Сцена (уже не та, что внутри, не та, что на ярмарке, а та, которая в Малом драматическом) одета в дерево, грубую плетеную ткань, заставлена забавными предметами, среди них всякий раз особую симпатию вызывает матерчатая рябая толстуха-свинья, набитая подобно большущей подушке. Повсюду аксессуары предстоящих игр, предназначенные не только для веселых сцен, но и для душераздирающих, для жутких. Ведь вам покажут даже, как протыкают шпагами человека, втиснутого в узкий высокий ящик. Вообще вам удастся посмотреть фокусы, хождение на ходулях, кукольный театр — наш, петрушечный, и чужеземный, где все тот же Харитонов искусно поведет марионетку-господина Искариотова, героя знаменитых куп-

летов Беранже в не менее знаменитом переводе В. Курочкина. Скоморох и Пьеро станут демонстрировать каждый свои традиционные ужимки и прыжки, будут танцевать и напевать. А в конце первого действия произойдут двенадцать сальто-мортале в воздухе, с леденящими кровь приготовлениями, с напряжением сил, воплями и, конечно, хитростями и сценическими уловками.

Основные заботы в «Балагане» приходятся на долю Виктора Харитонova, однако в ходе подготовки спектакля у него было немало помощников, а на сцене на сей раз имеется партнер. Серьезное лицо Виктора Рывкина (он человек многих дарований, но не профессиональный актер), оснащенное очками в современной оправе, его подчеркнутая деловитость этакого ассистента, состоящего при чудесах, придают спектаклю добавочную юмористическую окраску. Вспомните хотя бы, как славно прошествовал Рывкин, когда речь пошла о разных городах: сначала пожарным в каске, потом франтом в цветном цилиндре — это в Москве; а в Париже — другим франтом, на прапрадедушке нынешнего велосипеда.

«Балаган» построен как цепь взаимодействующих реплик, реплиц, оценок. Один из героев очутился в Петербурге — климат го-

рода мгновенно характеризуется раскрытым над путником зонтом и потоком воды, выливаемой на него с крыши возка. Тут же звучат слова из статьи Аполлона Григорьева о казенной душе царского Петербурга. К картинам и словам прибавляются звуки: иронические скрипы дверных створок, лязганье каких-то не видимых зрителями железных сковород, шум воды, струящейся из душа.

Из десятков деталей, удивительных, необычных, которые никакой критик и вообще зритель полностью не рассмотрит и не сохранит в памяти и с трех раз, сложился этот в своем роде единственный спектакль.

Он весел, но и серьезен по своему тону, прямодушен и ироничен — много всякого соединилось в его движении. Но сводится все в конце концов к одному — к мысли о неистребимости, о вечной жизни народного духа, проявляющегося, в частности, в искусстве каждого народа — в искусстве безымянном, вроде ярмарочного балагана, и в таком, которое создается одним человеком, известным человеком, но тесно вросшим в родную народную почву.

А Беранже и Григорьев для автора и исполнителя «Балагана» Харитонova как раз люди, художники, по самой сути своего твор-

чества особенно прочно стоящие на почве демократической народности.

Григорьев, подобно Беранже, склонен был к письменным раздумьям, к критике, к горячей поддержке живой народности, явившейся на русскую сцену с пьесами А. Н. Островского. Героев спектакля роднят еще их независимость, ироническое отношение к сановникам и почестям. Вместе с тем есть в главных персонажах и четкое несходство, что тоже, очевидно, привлекло автора композиции, стремящегося к драматической контрастности сюжета своего «Балагана».

Надо сказать, что Беранже и Григорьев были современниками только отчасти. Первый годился второму в отцы, если не в деды. Прожил Беранже долгую жизнь и умер на пороге семьдесят седьмой своей годовщины. Что касается Григорьева, он скончался в возрасте сорока двух лет.

Беранже в спектакле более юмористичен и изящен, Григорьев же (что вполне отвечает исторической правде) мучителен, вечно во власти смятения, терзания.

Харитонову свойственно хорошее желание повышать собственно просветительскую функцию «театра одного актера». На этот

раз он снова задался задачами не только актера, драматурга и постановщика, но и историка, собирав материалы, сравнивал, сопоставлял. Нет сомнения, что, кроме всего прочего, любой зритель обогатится на спектакле знаниями о Беранже и откроет для себя весьма интересную, но полузабытую фигуру Аполлона Григорьева.

«Балаган» может нравиться или не нравиться, но вряд ли хоть один зритель не заметит, не оценит оригинальности его замысла и воплощения.

Все ли в спектакле вышло одинаково отмерено и обдуманно? Великий Бетховен говорил, что он достиг мастерства, лишь перестав стараться вложить в одну сонату содержание, способное наполнить десять сонат. Эти слова легко можно принять за предостережение Харитонову.

Скажем ему, что не собираемся ждать в следующий раз ни освоения им стилистики опереточного театра, ни овладения всеми современными цирковыми жанрами. В конце концов эту, так сказать, количественную сторону можно и умерить. Виктор Харитонов работает много, интересно, и теперь всякий раз мы вправе ждать от него открытия новых путей и возможностей избранного им жанра «театра одного актера».

Е. КАЛМАНОВСКИЙ

238